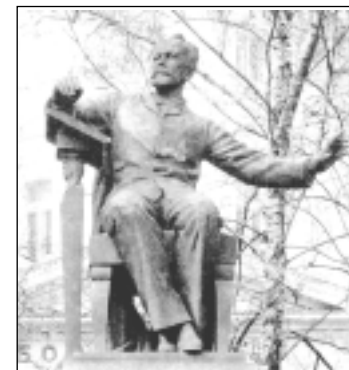

РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАНТ

№5 (1243)

МАЙ
2006

Выходит
с 1938 года

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО

Удивительное дело: всякий раз, когда думаешь о творчестве Геннадия Николаевича Рождественского, неизменно появляется ощущение радости, похожее на то, которое сопровождает встречу с прекрасной музыкой или замечательным художественным произведением. Не от того ли это ощущение, что сам творческий облик Рождественского — уже явление искусства?

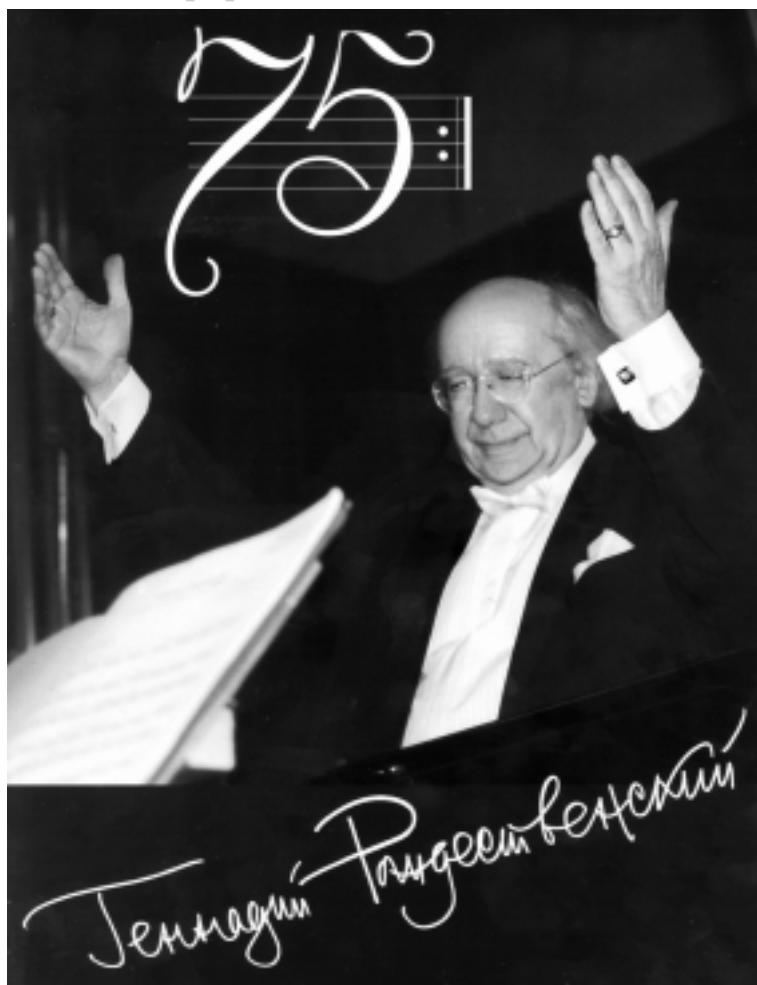
В самом деле, назвать Геннадия Николаевича выдающимся дирижером современности означает скорее не подчеркнуть, а чрезвычайно сузить масштабы его личности. Его творческий портрет совершенно невозможно заключить в какие-то рамки, как невозможно установить и границы художественных интересов музыканта. Личность Рождественского настолько универсальна и многогранна, что на ум приходят параллели с колоссами эпохи Возрождения и энциклопедистами века Просвещения.

Уникальный симфонический и театральный дирижер, пианист, ансамблист и аккомпаниатор, композитор и аранжировщик, исследователь, редактор и реставратор многочисленных партитур, автор книг и статей, блестящий оратор, мастер художественного слова, маститый педагог, тонкий знаток литературы и искусства, страстный библиофил, увлеченный коллекционер, колоссальный эрудит и музыкально-общественный деятель... Творческая биография Геннадия Николаевича потрясает масштабами совершенного.

Маршруты концертной деятельности Рождественского

РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ

пролегают по всему земному шару. Количество мировых премьер, осуществленных им, перевалило за полторы сотни. Его дискография — свыше 700 пластинок и компакт-дисков...

Пытаться охватить все горизонты творческой деятельности музыканта в рамках газетной статьи — безнадежная затея. Но даже легкие штрихи к портрету позволяют заметить, что при всем многообразии проявлений

творческая энергия Геннадия Николаевича имеет ярко выраженную доминанту, словно его путь в искусстве диктуется неутолимой жадью рожать, возрождать и просвещать. Кто считает, какое количество партитур увидело свет впервые и сколько их возродилось к жизни, повинувшись «волшебной» палочке дирижера? Кто сможет охватить безграничную аудиторию, приобщившуюся к искусству благодаря просветительской деятельности музыканта?!

Своеобразие его личности не перестает удивлять. Уникально прежде всего дирижерское искусство Рождественского. В контакте с оркестровыми музыкантами он не приказывает, а *приглашает*, не заставляет, а *увлекает*, не подчиняет, а *убеждает*. Ювелирно отточенная техника легко воплощает любые намерения дирижера. За пультом он — стратег и тактик, режиссер и актер одновременно. В его искусстве счастливо сочетаются точный расчет и живая яркая эмоция, безупречно выстроенная форма и интерес к деталям. Тщательно продуманный замысел выливается на концерте в захватывающую импровизацию, удивительный спектакль, в

который вовлекаются и музыканты, и слушатели.

Покоряет речь Геннадия Николаевича: ясная, благородная, аристократическая. В этой сфере он тоже — мастер импровизации. Тем, кому довелось бывать на уроках и репетициях Рождественского, вряд ли забудут, что на роялях играют «роялисты», *pizzicato* извлекают «пиццикатисты», а распоряжается музыкальным «хозяйством» — «кондуктор» (*conductor*).

Вообще, чувство юмора у Геннадия Николаевича — это такое удивительное «средство Макропулоса», которое способно мгновенно превращать усталость в бодрость, прозу — в поэзию, обыденность — в неординарность. Забавные эпизоды, рассказанные им, уже давно должны были бы украшать новые тома вечной книги «Музыканты смеются». Чего стоит хотя бы история о том, как, будучи в свое время руководителем сразу двух музыкальных коллективов одновременно, он, подчиняясь существующей в советское время бюрократической процедуре, вынужден был

писать официальные письма... сам себе!

С Рождественским всегда интересно. Рядом с ним невозможно устать. В его присутствии как-то само собой обостряется художественное восприятие действительности. И писать о нем приятно и легко. И радостно. Сама фамилия Рождественский — точно в унисон с его творчеством — звучит радостной вестью для каждого музыканта.

Услышав ее, чувствуешь — есть возможность прикоснуться к чуду рождения Музыки.

С.Д.Дяченко,
ст. преподаватель кафедры
оперно-симфонического
дирижирования

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ!

**Профессор
Владислав Германович
Агафонников**

18 мая — юбилей Народного артиста РФ, секретаря Союза композиторов России, лауреата премии СК им. Д.Д.Шостаковича, профессора Владислава Германовича Агафонникова. Не верится, что этому улыбчивому и жизнерадостному человеку исполняется 70 лет! Интересный собеседник, остроумный рассказчик, человек, влюбленный в жизнь — таким запоминается Владислав Германович с первой же встречи. А еще — особой, врожденной, я бы даже сказал, потомственной интеллигентностью.

Династия Агафонниковых дала отечественному искусству целый ряд замечательных имен — священников, регентов, хормейстеров, певцов, композиторов, о чем свидетельствует и изданная в 2005 году книга. Дед Владислава Германовича, известный в Подольске священнослужитель о. Николай, а также два его брата были расстреляны в годы сталинских репрессий. В юбилейном 2000 году от Рождества Христова о. Николай был канонизирован как священномученик Подольский. Все его дети (их было шестеро!) стали музыкантами. Герман Николаевич, отец композитора, окончивший Московскую консерваторию по классу Н.Данилина, более 25 лет был главным хормейстером театра оперетты, работал также и регентом в храме. Старший брат Игорь Германович был выдающимся хоровым дирижером, профессором Московской консерватории. Владислав Германович начал музыкальное образование в свещниковском хоровом училище, а в Московскую консерваторию поступил сразу по двум специальностям: композиции (кл. проф. В.Я.Шебалина) и фортепиано (кл. проф. Я.И.Зака). Это был интереснейший период — в классе Шебалина в это время занимались А.Пахмутова, Э.Денисов, А.Николаев, Н. Каретников, Т.Корганов, В.Блок...

Шебалин не уставал повторять своим студентам: «Настоящий профессионал должен уметь выполнить любой заказ — от песни до симфонии. Сочинять необходимо регулярно, каждый день». Этим заветам, по признанию самого юбиляра, он следует всю жизнь. В его творческом портфеле оперы, балеты, симфонии, хоровые произведе-

ния, песни, музыка для детей... За всем стоят творческая дисциплина и систематичность занятий. При этом композитора отличает высокий профессионализм, почвенность, опора на национальную русскую мелодику — традиции, идущие от С.Прокофьева, Н.Мясковского, В.Шебалина. И еще сдержанность — то чувство меры в проявлении эмоций, которое говорит о внутренней гармонии самого автора.

У В.Агафонникова много ярких сочинений. В нашей стране и за рубежом с успехом звучат Симфония памяти Шебалина, фортепианный концерт памяти Зака, каприччио для оркестра «Владимирский лубок», сюита для струнного оркестра. Но особое место занимает хоровая музыка: «Всенощное бдение» и «Литургия Иоанна Златоуста», хоры а саррелла. Здесь талант и мастерство соединяются с изумительным чувством хора, в звучании которого юбиляр воспитывался «с молодых ногтей».

Большой резонанс получила балетная версия оперы «Руслан и Людмила» Глинки, осуществленная Агафонниковым в 1992 году. Этот балет, поначалу казавшийся рискованным предприятием, выдержал на сцене КДС уже более 150 представлений! В театре Московской консерватории с успехом была поставлена оперная триада по рассказам Чехова, а в Республике Корея — опера «Ли Сунь Син» на историческую тему. Но с особой нежностью вспоминается телевизионная версия оперы «Анна Снегина» (1968), которую написал совсем еще молодой Агафонников. Лиризм и чистота музыки в сочетании с высоким строем есенинской поэзии производили сильнейшее впечатление. Тогда я и не мечтал, что автор побившейся оперы станет моим педагогом по музыкально-теоретическим предметам, как и, кстати, Лени Бобылева, Юры Воронцова, Ефрема Подгайца...

Агафонников-педагог — особая тема. Его педагогический стиль отличаются демократичность, высокий профессионализм и всё та же влюбленность в жизнь и своих учеников... Многие из них работают ныне в разных уголках России и за рубежом. В Московской консерватории — доцент Д.В.Дианов.

Видный музыкально-общественный деятель, участник и организатор ряда фестивалей, конкурсов, смотров, в том числе и традиционного конкурса юных композиторов в Оренбурге, Владислав Агафонников продолжает заряжать оптимизмом людей, помогая преодолевать препятствия, которыми, к сожалению, столь богата музыкальная жизнь современной России. Пожелаем же юбиляру здоровья, радости, творчества, семейного счастья — накануне юбилея у Владислава Германовича родилась вторая внучка, еще один росток семейного древа Агафонниковых! А также новых премьер и достойных учеников!

Проф. А.А.Кобляков

**Профессор
Анатолий Васильевич
Самонов**

17 мая 2006 года — юбилейная дата Анатолия Васильевича Самонова, заслуженного деятеля искусств России, профессора, заведующего межфакультетской кафедрой фортепиано. Анатолий Васильевич принадлежит к числу наиболее известных и авторитетных профессоров Московской консерватории. Окончив ее по двум специальностям — фортепиано и композиция — А.В.Самонов почти полвека отдал педагогической работе. Среди его многочисленных учеников такие известные музыканты, как В.Комаров, И.Головчин, В.Алексеев, Росио Самс, Ст.Попов, И.Дьерфи.

Анатолий Васильевич Самонов является инициатором, организатором и непосредственным участником ряда крупных творческих проектов кафедры. Заметными событиями в музыкальной жизни Москвы стали циклы концертов межфакультетской кафедры фортепиано: «Музыка XX века», «От песни до рапсодии» (музыкальный фольклор в композиторском творчестве), «В кругу друзей» (легкая музыка XX века), «Музыкальный салон» и другие. Концерты этих циклов привлекают неизменное внимание слушателей и получают самые лестные отзывы. А.В.Самонов постоянно выступает не только как исполнитель, но и как ведущий.

Плодотворно и самобытно композиторское творчество А.В.Самонова. Ему принадлежат более 300 сочинений камерной, фортепианной, вокальной и симфонической музыки, опубликованных в ведущих музыкальных издательствах, которые часто звучат на концертной эстраде и по радио.

Анатолий Васильевич живет музыкой, его многогранное творчество — педагогическое, композиторское, исполнительское, музыкально-редакционное, музыкально-общественное — имеет высокодуховную ценность.

Анатолий Васильевич! Мы поздравляем Вас, любим и желаем здоровья и новых творческих свершений.

*Коллектив преподавателей
межфакультетской
кафедры фортепиано*

СОБЫТИЕ

КРАСКИ И ЗВУКИ

22 апреля в Выставочном зале ЦДРИ состоялся конкурс фортепианной импровизации по картинам художника Виктора Ефимовича Попкова. Идея ежегодного проведения таких соревнований среди студентов консерватории принадлежит заведующему межфакультетской кафедрой фортепиано — профессору Анатолию Васильевичу Самонову, возглавляемому жюри, в состав которого вошли педагоги: Е.В.Андреева, В.А.Коровов, И.И.Короткова, Ю.А.Муравлев, Н.Т.Мартirosян, Т.Е.Рубина, С.Т.Светланова, Ю.А.Туркина. Участниками стали студенты композиторского, историко-теоретического, вокального, оркестрового факультетов и все желающие из зала. Свои

ми впечатлениями о событии поделились член Союза композиторов и Союза художников России, Засл. деятель искусств РСФСР Алаши БУРИС КОКАЕВ, искусствовед М.И.ГЕЛЬЦЕР и ученица ЦМШ ДИАНА МАРТИРОСЯН.

«Художник В.Попков был одним из очень немногих, кто определял своим творчеством климат московского общества в 60–70-е годы. Будучи негласным лидером небольшого, но очень значительного направления в искусстве, он писал не высокопоставленных чиновников, не урапатриотические картины, а обыкновенных людей. И каждый человек в его творчестве — целый мир чувств и мыслей, а каждый пейзаж — шемяще-напряженное состояние души» (М.Гельцер).

Состязание открыл студент оркестрового факультета Алексей Соболев. Его внимание привлекла картина «Чайки. Озеро. Монастырь». «Он достаточно точно уловил настроение и голубоватосерый колорит полотна, создав композицию с ощущением пространства и обертоновых переключек» (Д.Мартirosян). «В импровизации Кати Кульковой («Последний снег») ощущались намеренная перебивка ритмов, немного металлическое проблескивание холодного ясного неба, тяжелая мокрая земля, мгновенные отблески-уколы солнечных лучей на снегу, лоскутное одеяло природы. Показалось, что кусочки не очень соединены. Но это — неряшливость ранней весны и импровизация. Главное то, что всё конкретно и свежо, задевает за живое» (М.Гельцер).

«Картина «Автопортрет» стала темой для двух импровизаций — Ивана Шарапова, одаренного музыканта, завоевавшего

приз зрительских симпатий, и Светланы Косятовой, студентки историко-теоретического отделения, обладающей несомненными творческими способностями. Пропущенные через призму их личностного видения, контрастные по содержанию композиции показали как бы разные грани личности художника» (Д.Мартirosян). «В импровизации Ивана Шарапова я услышал музыку моей ранней юности, которая теперь называется «ностальгическим ретро», и в ней даже какие-то отзвуки танго. Показалось, что музыка по отношению к изображенному была несколько ранней, а ведь художник был «шестидесятником» (это работа 1958 года). Светлана Косятова пошла по другому пути — увидела характер «изнутри» — упорство, пылкость души. Мне показалось, что этот человек ей понравился. Мне тоже понравилось, как и что она сказала» (М.Гельцер).

«В исполнении Вероники Затула («Портрет бабушки») студентки композиторского факультета, был замечен индивидуальный почерк» (Д.Мартirosян).

«Натюрморт «Красные лилии» также привлек внимание двух исполнителей: студента вокального факультета Станислава Сазонова и Анны Михайловой, студентки композиторского отделения. Сазонов предварил свою импровизацию поэтическими строками, которые позволили острее услышать его эмоциональный отклик на настроенные картины» (Д.Мартirosян).

«Вне конкурса сыграл свою композицию по крымским пейзажам писатель, поэт, музыкант-любитель Сергей Кутанин. Его выступление явилось свидетельством творческой атмосферы, возникшей в зале, и охватившего многих присутствовавших желание включиться в процесс музицирования» (Д.Мартirosян). «Он выбрал два этюда: «Вид Гурзуфа» и «Гурзуф. Крыши». В музыке к этим работам отчетливо прозвучал ориентальный мотив, хотя изображение было показано глазами очень русского художника» (М.Гельцер).

В целом всё было очень интересно. «Подобные импровизации интересны и захватывающи, особенно для будущих профессиональных музыкантов. Передавать в импровизации впечатление от только что увиденных картин, их характер, радость или печаль, всё это связать в одно целое — не так просто... Я уверен, что подобные мероприятия выйдут вскоре за пределы маленьких залов. Интерес к конкурсу будет возрастать, а задачи усложняться. Другими словами, у него есть будущее» (Б.Кокаев).

По итогам соревнования первую премию решено было не присуждать, второй премии были удостоены С.Косятова, С.Сазонов и И.Шарапов, третьей — А.Соболев, Е.Кулькова, В.Затула и А.Михайлова. Им были вручены ценные призы.

Спасибо за проведение столь необыкновенной встречи!

На фото: участники конкурса С.Косятова (стоит) и Е.Кулькова (сидит).

КОНЦЕРТЫ

ВЫСОКИЙ ЮБИЛЕЙ

2006 год официально объявлен годом Армении в России. В его рамках проходят разные мероприятия в сфере культуры. Одно из них стало особенно заметным: в Московском Доме Музыки отмечал свое 80-летие знаменитый ансамбль — *Квартет имени Комитаса*.

В искусстве известны ансамбли-долгожители, с исполнительской деятельностью которых связывают свою судьбу и композиторы. Достаточно назвать для примера квартет имени Бетховена (с которым был связан Шостакович) или квартет имени Бородина. Отличие каждого из них — это удивительная спаянность исполнения, словно одно сердце бьется сразу у четверых, создавая завидное чувство партнерства, единомыслия. И вместе с тем каждый участник квартета — яркий солист, обладающий «лицом необщим выраженьем».

В числе именно таких ансамблей свое достойное место занимает Квартет имени Комитаса. А возник он в стенах консерватории в 1924 году, когда в ансамбль объединились талантливые студенты А.Габриэлян, Л.Оганджян, М.Териан и С.Асламзян. Имя великого Комитаса было присвоено им правительством Армении в 1932 году. Через четыре года этот ансамбль разделил первую премию с квартетом Большого театра на Всесоюзном конкурсе камерных ансамблей. С талантливым коллективом выступали С.Рихтер, Э.Гилельс, М.Ростропович. В 1946 году коллектив удостоивается Государственной премии СССР и становится первым полпредом советской культуры за рубежом (1953 год). Звездным по составу был квартет и в 50-е годы, когда в нем продолжали играть А.Габриэлян (в течение 52-х лет он был бесшумным первым скрипачом

квартета), Р.Давидян, Г.Талалян и С.Асламзян. В 1970 году Габриэлян пригласил студента консерватории, талантливого Э.Татевосяна, которому через шесть лет передал свое место первого скрипача и скрипку Гварнери.

Нынешний состав квартета в составе Э.Татевосяна, С.Ахназаряна, А.Косемяна и А.Талаляна продолжает высокие традиции своего коллектива. Музыканты демонстрируют образцы высочайшей художественной культуры и блистательное владение ансамблевой игрой.

На юбилейном концерте данный состав был пополнен еще одной звездной фигурой музыканта — Народный артист России, профессор Рафаэль Багдасарян давно и справедливо зарекомендовал себя как выдающийся исполнитель на кларнете. Более 35 лет он был ведущим солистом группы кларнетистов Большого театра. Сейчас Багдасарян как солист и ансамблист продолжает широко концертировать в России и за ее пределами.

В юбилейный вечер прозвучал знаменитый опус еще одного юбиляра — Квинтет для кларнета и струнных Моцарта. Надо ска-

зать, что это сочинение было сыграно с большим вдохновением, поэтично, изящно, словом, в истинно моцартовском стиле. Кларнетист же поражае всех филигранностью звуковедения, когда оттенки палитры духового инструмента казались бесчисленными. Bravo солисту — мастеру, над которым время не властно!

В программе квартетистов было еще два шедевра. Прозвучал ранний, 1947 года, квартет Э.Мирзояна. Написанный в виде темы с вариациями, квартет выстроен как многочастный цикл, где контра-

сты образов и настроений сочетаются с единством замысла общей романтической концепции.

Армянские мелодии Комитаса в тончайшей обработке С.Асламзяна (исполнителя-композитора) Мясковский называл настольной книгой всякого, кто обращается к фольклорным источникам — столько аромата и изыска в этих программных миниатюрах, кульминацией которых был знаменитый «Крунок».

Овации вставшего зала не смолкали долго и выражали искреннее восхищение игрой квартета-юбиляра. Многая Вам лета!

Проф. Е.Б.Долинская

КНИГА

СПЕШИТЕ ПРОЧИТАТЬ

Книга Е.Б.Долинской «Фортепианный концерт в русской музыке XX столетия» — прекрасный подарок не только музыкантам-профессионалам, но и студентам музыкальных учебных заведений и, что чрезвычайно важно, всем любителям музыки.

Интересна форма изложения материала, которая определяет логику содержательного сюжета, — возникает ощущение, что книга не написана, а сочинена. Не случаен и выбор темы. Фортепиано по своим конструктивным и художественным особенностям — наиболее концертный из всех музыкальных инструментов. За свою почти 300-летнюю историю музыкальный инструмент прошел грандиозный путь технологического развития и совершенствования. Это обстоятельство на всех художественно-исторических этапах привлекало композиторов-пианистов к созданию концертов.

Автору удалось проследить пути развития жанра от Моцарта и Бетховена, Шопена и Листа к истокам его возникновения в России, что безусловно связано с фортепианными концертами А.Рубинштейна. Без Четвертого концерта А.Рубинштейна не было бы и Первого концерта Чайковского в том гениальном виде,

который восхитил и продолжает восхищать весь мир. Е.Б.Долинская справедливо напомнила об этом и показала дальнейшие этапы становления русского фортепианного концерта, анализируя творчество Балакирева, Римского-Корсакова, Аренского и, конечно же, самого Чайковского, чьи фортепианные концерты озарили расцвет жанра не только в русской, но и в мировой музыке.

Наступление XX столетия ознаменовало триумф концертов Рахманинова, Метнера, Скрябина, завершающих традиции «кантиленного» русского пианизма, а с другой стороны — возникновение и развитие новых стилистических тенденций, проявившихся в творчестве Прокофьева, Стравинского, Шостаковича, Черепнина и т.д. Анализируя этот период развития русского фортепианного концерта, автор, по аналогии с письмами Рахманинова и Метнера, опирается на дневниковые записи Прокофьева, что приносит дополнительную литературную увлекательность и доказательность в научные изыскания музыковеда.

Особую ценность представляет раздел книги, посвященный последней трети XX века. Наверное, впервые в музыковедческой литературе столь серьезно иссле-

дуется огромный пласт фортепианной музыки, еще только обретающей традиции исполнения и слушательского восприятия. Анализируя и упоминая большое количество сочинений композиторов, создавших и создающих сегодня фортепианные концерты, Е.Б.Долинская справедливо опирается на произведения, получившие широкий доступ на концертную эстраду. В первую очередь, это сочинения Щедрина, Шнитке, Губайдулиной, Денисова и т.д. Большой интерес представляют размышления автора о тенденциях развития и трансформации жанра: наряду с традиционным концертом для фортепиано с оркестром появляются концерты для фортепиано и оркестра, для фортепиано в составе оркестра, для двух фортепиано и, наконец, для фортепиано без оркестра. Композиторы всё чаще используют камерный состав (традиция, идущая от Баха). Попутно затрагиваются проблемы развития других жанров фортепианной музыки: концертного этюда, сонаты, полифонии.

Нет никаких сомнений в том, что талантливая книга Е.Б.Долинской привлечет широкое внимание музыкальной общественности и всех любителей музыки.

Б.А.Печерский

ВЫХОД НАЙДЕН!

26 марта в Рахманиновском зале состоялся концерт студентов и аспирантов кафедры оперно-симфонического дирижирования. Участвовали шесть дирижеров — В.Валеев, Д.Власенко, И.Гайсин, И.Головатенко, Е.Копорева, К.Хватынец. Программа включала в себя музыку от И.С.Баха до К.Бодрова (аспиранта МГК), но, удивительное дело, после концерта осталось впечатление целостности и законченности. Особо стоит отметить усилия декана дирижерского факультета — профессора С.С.Калинина. Ведь этот концерт состоялся именно благодаря его инициативе и кипучей энергии.

Не секрет, что концерты студентов кафедры оперно-симфонического дирижирования — большая редкость для консерватории. Тому есть несколько причин, но основная — это отсутствие постоянной практики. Выход был найден самостоятельно... Выступали со своими коллективами! Еще учась в консерватории, молодые люди работают дирижерами в уже существующих оркестрах, а некоторые даже создали свои коллективы. В программе были заявлены четыре коллектива: камерный оркестр ЦМШ при консерватории, Молодежный камерный оркестр DSCN, Камерный оркестр «GLORIA», Ансамбль кафедры современной музыки и женский хор ГМПИ имени Ипполитова-Иванова.

Приятной неожиданностью было выступление камерного оркестра и солистов ЦМШ под руководством Вячеслава Валеева (аспирант, класс проф. Г.Н.Рождественского). Самой маленькой скрипачке Ольге Мусиной всего 4 годика! Она ученица первого подготовительного класса ЦМШ (преподаватель И.Иорданова). Оленька исполнила концерт О.Ридинга наизусть и покорила публику серьезностью и музыкальностью трактовки. Молодежный камерный оркестр DSCN под управлением Ильи Гайсина, студента 3 курса (класс проф. В.К.Полянского), удивительно легко справился с очень сложной партитурой Б.Бартока.

Второе отделение концерта открывал Камерный оркестр «GLORIA» под руководством Елены Копоревой, аспирантки класса проф. В.К.Полянского. Этому выступлению сопутствовали отточенный стиль и тонкий вкус. Последние три дирижера выступали с ансамблем кафедры современного исполнительства ГМПИ им. М.Ипполитова-Иванова.

Денис Власенко (2 курс, класс проф. В.А.Понькина) представил публике «Пастораль» К.Бодрова и

«Траурную музыку» П.Хиндемита, солист — Андрей Усов (альт). Сыграв на контрасте произведения, Денис удачно показал многогранность своей дирижерской техники. Константин Хватынец, студент 3 курса (класс проф. Г.Н.Рождественского), продирижировал чрезвычайно редкой музыкой И.Стравинского — Кантатой на тексты из английской анонимной поэзии XV—XVI вв. Женский хор ГМПИ (худ. рук. Галина Богданова) и солисты Елена Золотова и Ярослав Абаимов пели на староанглийском языке. Исполнителям удалось передать изысканность и филигранность партитуры. Искренне порадовала чистота интонации и строя.

В завершении концерта прозвучали фрагменты балета И.Стравинского «Аполлон Мусоргет» под управлением Игоря Головатенко (аспирант, класс проф. Г.Н.Рождественского). Цельность трактовки и убедительный контакт дирижера и оркестра стали откровением. «Редко исполняемое произведение не всегда клад для исполнителя, — считает Игорь. — Но в данном случае надо признать, что постичь эту изумительную музыку, равно как и играть ее с замечательным коллективом Ансамбля, было подлинным наслаждением. Сегодня не хватает музыки такого рода — «антиквариата» высшей пробы. Кроме того, мы вынуждены были исполнять не весь балет, а лишь фрагменты, поэтому нашей основной целью было повторное создание сквозной формы произведения — оно должно слушаться как единое целое! К последнему мы приложили значительные усилия и честно справились с такой нелегкой задачей.»

Подготовка к концерту многому научила ребят. Оказалось, что дирижер — это не только палочка и фрак, но и грузчик, который должен перенести контрабасы от Л.И.Гришкина в концертный зал и обратно. А также администратор, которому требуются классы для переодевания оркестров, и составитель программки и афиш, которые затем надо развесить, и... еще 1000 «и», без которых концерт не может состояться.

Хочется сказать спасибо всем нашим профессорам за кропотливый труд по созданию МАЭС-ТРО из каждого отдельно взятого студента и аспиранта, а также пожелать моим молодым коллегам новых творческих свершений, точно выбранных схем тактирования, Госпожи Удачи и Мистера Случая... И, конечно, новых партитур, новых оркестров и элементарной востребованности в наш суетный век.

Вячеслав Валеев, аспирант

Московская государственная консерватория имени П.И.Чайковского объявляет конкурс на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава по кафедрам и научных сотрудников по подразделениям:

- Органа и клавесина — профессор, доцент
- Теории музыки — профессор, доцент
- Истории русской музыки — профессор, доцент
- Истории зарубежной музыки — доцент
- Иностранных языков — доцент
- Физического воспитания — старший преподаватель
- Специального фортепиано — профессор
- Хорового дирижирования — профессор
- Проблемная научно-исследовательская лаборатория — младший научный сотрудник
- Научный центр народной музыки имени К.В.Квитки — младший научный сотрудник
- Электроакустический центр — научный сотрудник (2)

IN MEMORIAM

ЧЕЛОВЕК ПРЕКРАСНОЙ ДУШИ

Е.В.Назайкинский не дожидаясь своего 80-летнего юбилея совсем немного... Его кончина потрясла весь музыкальный мир, отозвавшись болью в сердцах тех, кто знал и любил Евгения Владимировича.

Это был скромный, прекрасной души человек. Начальный период музыкальной деятельности описан самим Евгением Владимировичем в статье «Мое училище», помещенной в консерваторском сборнике к 60-летию Победы. Обучение музыке и обучение жизни длилось чуть более 6 лет. А в настоящем училище — в Калуге — он проучился только полгода.

Тем не менее, когда в 1943 году его, еще не окончившего общеобразовательную школу (до начала войны он успел пройти только 8 классов!), мобилизовали в армию, он уже умел играть на кларнете и даже на баяне. Вскоре пришлось освоить альт в духовом оркестре. Евгений Владимирович почти сразу же начал сочинять музыку и дирижировать. Как-то много лет спустя он показал на кафедре теории музыки во время отчета по научной работе свой «Марш» — довольно привлекательное произведение для духового оркестра. Пьеса была наполнена вдохновением и, несомненно, напоминала о юношеских днях. А роялем Евгений Владимирович владел уже гораздо позднее и играл очень хорошо, по настоящему. Этот инструмент был необходим ему главным образом для занятий с молодыми музыковедами по анализу; он явно предпочитал его звукозаписям, хотя не мог обходиться и без них, когда нужно было продемонстрировать такое звучание, какое на рояле вообще недостижимо. Евгений Владимирович был прежде всего музыкантом!

Е.В.Назайкинский закончил ГМПИ им. Гнесиных (где проучился с 1950 по 1955 год) как музыковед по классу О.М.Агаркова, скрипача и дирижера Камерного оркестра. Наверное, именно Олег Михайлович и привел Евгения Владимировича в Лабораторию музыкальной акустики. Там и произошло знакомство молодого музыковеда с консерваторией. Дипломная работа Е.В.Назайкинского, защищенная им в 1955 году, была посвящена весьма сложному акустическому вопросу — проблеме восприятия силы звучания симфонического оркестра в зависимости от состава музыкантов и условий зала (замеры проводились в Большом

зале консерватории). Около 10 лет он целиком посвятил себя музыкальной акустике. Кажется, ничего особенного, но именно с этого, как и у его учителя — Н.А.Гарбузова и С.С.Скребкова, — начался большой путь замечательного музыканта и исследователя.

Евгений Владимирович почти сразу же проявил себя универсально одаренным исследователем и педагогом. В ГМПИ им. Гнесиных, где он поначалу преподавал, ему поручали почти все теоретические дисциплины. На этой ниве на него и обратил внимание профессор С.С.Скребков, пригласив в 1962 году в консерваторию. И вот с той поры — 44 года (!) — Евгений Владимирович проработал на кафедре теории музыки.

В 1974 году Е.В.Назайкинскому предложили заведовать кафедрой, которую он возглавлял вплоть до 1996 года. Доверить ее можно было не всякому: кафедра теории музыки никогда не была простым подразделением консерватории. Известно, что в советские годы именно через нее проходили многие «идеологические бои», связанные главным образом с отношением к западной музыке, к технике сочинения и даже к фольклору. Можно только представить, насколько сложной была работа молодого заведующего. Посоветовать, проявить такт, дипломатию или, наоборот, суметь переубедить и, если нужно, приказать — к этому Евгений Владимирович оказался готовым. Но были и большие сложности, связанные в то время с сильно ослабленным контролем над выполнением научной работы на кафедре. Нужно было принимать волевые решения. И постепенно Евгению Владимировичу удалось наладить порядок и объединить педагогов.

Несомненно, одним из важных результатов научной и педагогической работы кафедры под руководством Е.В.Назайкинского были защиты докторских диссертаций. Сейчас на нашей кафедре 16 специалистов самой высокой квалификации, и по числу докторов и профессоров она вышла на первое место среди кафедр всех музыкальных вузов России, выполняя колоссальную по объему и необычайно ответственную работу. В этом можно видеть еще одно ярчайшее проявление одаренности Евгения Владимировича. В течение многих лет, до 2006 года, он бессменно возглавлял Диссертационный совет.

Трудно подсчитать, сколько высокопрофессиональных специалистов успешно выдержали его строгие установки. Наверное, их всего было около 200—250. Но зачем нужны точные подсчеты, если у самого Евгения Владимировича защитились 9 докторов наук и свыше 40 кандидатов! Это настоящая Школа музыковедов! А наш Диссертационный совет сегодня выполняет, по сути, функцию научно-исследовательского института в рамках университета.

Круг музыковедческих проблем, охватываемых Евгением Владимировичем как в его собственной исследовательской и педагогической работе, так и в работе руководимых им кафедр теории музыки и Диссертационного совета, необычайно широк. Е.В.Назайкинский был поистине универсально развитой личностью, что встречается сейчас очень редко. Он начал с музыкального творчества, затем, расширяя свой кругозор, но не оставляя музыки, перешел к музыкальной акустике, к музыкальной психологии — и полученные знания вписал в широкий круг задач теории музыки.

Евгений Владимирович был не просто философом и музыкантом, а человеком, который творит мир искусства по своим законам. Чтобы достичь совершенства души, ему нужно было пройти сложный, тяжелый жизненный путь, пройти не только «свое училище», но и «свои университеты». Многие изменились за это время, но замечательные человеческие качества Е.В.Назайкинского всегда оставались прежними. Они продолжают нас вдохновлять и сегодня, вселяя веру и оптимизм.

Юрий Рагс

Когда 40 лет назад я пришла к Евгению Владимировичу проситься в дипломный класс, он только начинал преподавать в консерватории. Учиться у Евгения Владимировича было легко, радостно, интересно. Он никогда не давил на студента (авторитарные методы руководства были ему чужды), не высказывал своих мыслей, до поры до времени молчал и слушал (а слушать он умел как никто!). Но наступал момент, когда студенту начинало казаться, что он зашел в тупик. Тогда педагог приносил на урок напечатанную на карточке красивую стройную схему-концепцию, которая выросла из разрозненных мыслей ученика, — и всё становилось на место.

Перед защитой кандидатской диссертации, когда необходимо было написать вступительное слово, я, подобно многим накануне защиты, ощутила полное опустошение, не зная, как к этому подступиться. Тогда Евгений Владимирович направил меня, спокойно и уверенно высветив самую главную проблематику. Он умел мыслить концепционно!

Меня, как филолога по первому образованию, покорила его отношение к слову, живость и нестандартность мысли. И, конечно, восприятие музыки — не как замкнутого в себе текста, а живой материи, обращенной к миру во всем богатстве его красок и проявлений, находящейся в контексте гуманитарного и точного знания, причем не просто науки, а знания о человеке.

Помню момент, когда Е.В.Назайкинскому предложили стать заведующим кафедры теории музыки. Он не сразу принял это предложение, осознавая ответственность, которая ляжет на него. «Это же научное самоубийство!» — говорил он мне. В то время обстановка на нашей кафедре была сложной и напряженной — особенно для тех, кто занимался современной музыкой. С приходом Е.В.Назайкинского на пост заведующего всё изменилось. В истории нашей кафедры начался новый период: вдумчивость, серьезность, доброе слово, а подчас и шутка (чувство юмора у Евгения Владимировича было превосходное!) — всё это создало особую атмосферу доброжелательности, естественности и настоящего творчества.

Мне трудно представить себе, что я никогда больше не увижу Евгения Владимировича на заседаниях кафедры или Диссертационного совета, не увижу его доброй, мягкой, чуть лукавой улыбки, которая так вдруг, как солнечный лучик, озаряла его лицо. Но думаю, что в нашей памяти он пребудет всегда, ибо душа человека бессмертна...

Евгения Чигарева

Получилось так, что в студенчестве я не училась у Евгения Владимировича и в первые годы моего пребывания в консерватории не была знакома с ним. Однако, читая задаваемые нам А.С.Соколовым в курсе анализа музыкальных произведений разделы из книги Е.В.Назайкинского «Логика музыкальной композиции», почему-то представляла себе человека исключительно внимательного и доброго. Такой облик просвечивал сквозь страницы даже его сугубо научных книг. Позже мне довелось узнать Евгения Владимировича по выступлениям на конференциях, по председательству в Диссертационном совете, и его внешний вид, манера поведения несколько не разошлись с моим «книжным» представлением о нем. Напротив, его облик дополнился для меня чертами сдержанности, порядочности и едва ли не рыцарского благородства. С ним с некоторых пор для меня стало ассоциироваться слово «ученый» — не «музыковед», а именно ученый любого профиля.

Возможно, из-за полного совпадения «внешнего» и «внутреннего», совершенной отделки всех деталей врезались в память выступления Назайкинского на конференциях. До сих пор помню его доклад об одном приеме инструментовки у Чайковского на конференции к 100-летию со дня смерти композитора (речь шла о фуге из Первой сюиты) и «титულный» доклад под названием «Русское в русской музыке» на организованных Ю.Н.Холоповым «Сергиевских чтениях». Чтения впервые проходили в 1992 году — в жесткое время, когда опасно было просто произносить слово «русский», а уж исследовать «духовные истоки своеобразия» и подавно. В теме доклада Евгения

Владимировича «запретное» слово было употреблено дважды, что, зная его шепетливое отношение к формулировкам, нельзя объяснить случайностью или тавтологией. Е.В.Назайкинский демонстрировал тогда поволжское причитание по умершему, сравнивал его интонации с интонациями в произведениях Рахманинова и делал вывод о возвышении интонации плача-причитания в рахманиновской музыке до символа русской скорби.

Через несколько лет, после личного знакомства с Евгением Владимировичем и начала работы над диссертацией под его руководством, я столкнулась с совершенной иной формой подачи той же самой идеи студентам-музыковедам на лекции по анализу музыкальных произведений: к выводу о значении интонации плача-причитания в музыке Рахманинова Евгений Владимирович подводил постепенно, и подводил таким образом, что слушателям нельзя было не сделать вывод самим. Этой теме он посвящал целую лекцию, а завершалась она анализом фортепианной Прелюдии d-moll — образцом глубокого проникновения в смысл и содержание произведения. Именно такую задачу ставил Евгений Владимирович во главу угла в своем спецкурсе анализа, который он читал в консерватории с конца 60-х годов и переименованию которого в «Музыкальную форму» неизменно противился отнюдь не из опасений формализма. На первом занятии с новой группой Е.В.Назайкинский обычно объявлял развернутое название курса: «Строение музыкального произведения: средства, приемы, методы его исследования и описания», — делая ставку на то, что здесь будут заниматься не регистрацией форм, а поиском подхода к произведению. Известно, какое внимание он, помимо формы, уделял жанру и стилю, насколько подробно — в продолжение «школьных» дисциплин гармонии и полифонии — рассматривал ритм и мелос. И наверняка все присутствовавшие на его лекциях навсегда получали отвращение к заповедному музыкальному языку словам-монстрам типа «темпоритм» — Евгений Владимирович учил задумываться над смыслом слов.

Е.В.Назайкинскому во всем была свойственна научная честность; каждая завершенная им работа была работой высшей пробы. Нередко я получала чисто эстетическое наслаждение и от полноты и объективности излагаемых в лекциях сведений, и от формы их подачи. При строгой академичности изложения Евгений Владимирович мог где-то пошутить, а где-то обратиться к слушателям с вопросом или неожиданной репликой.

Начав со знакомства с Евгением Владимировичем как с ученым, я со временем достаточно близко узнала его как человека. И теперь, когда пришло время воспоминаний, человеческие его качества для меня превыше всего.

Мария Распутина

Главный редактор: проф. Т.А.Курьшева
Редакторы: доп. С.В.Наборщикова,
М.В.Щеславская
Редактор выпуска: М.В.Щеславская
Оригинал-макет: Д.О.Чехович
Верстка: 23.05.2006

125009, Москва, ул. Б.Никитская, 13
e-mail: rio@moscons.ru
Газеты МГК в Интернете:
http://www.moscons.ru
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
ОБЯЗАТЕЛЬНА